

Ветер, словно расшалившийся ребенок, то едва, как-то игриво, веял, то обрушивался со всей силы; то внезапно затихал, то снова неожиданно резко дул, тревожа морскую поверхность, отвечавшую ему мелкими колкими волнами, и осыпал набережную и редких прохожих брызгами, больше похожими на туманную взвесь, оседавшую и поблескивавшую на предметах, как иней.

Я не чувствую ни сырости, ни холода и не разделяю детской жизнерадостности ветра, только безотчетно все поправляю и поправляю сдуваемую на глаза прядь волос, не догадываясь, что можно просто заправить ее под шапку. Вспоминать, думать, размышлять у меня получается плохо — отстраненно, без эмоций и желания что бы то ни было делать. Я вообще мало что чувствую и ощущаю. Уже давно.

Четыре месяца и двадцать два дня назад мой мир стал стерильно-бесчувственным. Все вокруг я вижу в серо-черном цвете, лишь немного окрашенном оттенками, словно сильно размытая водой акварель на листе бумаги, звуки слышу приглушенно, как через толстый слой ваты, ну а чувства и ощущения практически исчезли — ни запахов, ни вкуса, ни боли, ни страха и обиды. Ничего, словно я уже умерла и наблюдаю эту странную суетливую жизнь из какого-то другого измерения. А может, мне просто кажется, что я еще живу? Четыре месяца и двадцать два дня. Зачем-то я считаю дни — это единственное, что я делаю осознанно.

Ветер снова кинул мне на глаза прядь волос и обдал мелкими солеными брызгами, я откинула волосы и отыскала взглядом Митю, весело беседующего со знакомым рыбаком.

Мы во Франции, в Трувиле, на рыбном рынке. Очень раннее январское воскресное утро. Наверное, холодно — не знаю, мне безразлично, но люди кутаются в одежды, прячут носы в высоко поднятые воротники, поеживаются. А я забыла перчатки, вспомнила про них, когда обратила внимание на свои голые руки, и спрятала ладони в рукава пальто, чтобы Митя не заметил. Иначе он непременно побежит за перчатками и шарф еще какой-ни-

будь прихватит для тепла, и примется кутать меня, и испереживается весь, что недоглядел, и станет разговаривать со мной, как с душевнобольной, напоминая в десятиmillionный раз, что надо за собой следить...

А у меня все пусто внутри, вытравлено, мне ничего этого не надо, мне даже не стыдно, что моя душа полный банкрот и нечем, совсем нечем платить ни ему, ни кому бы то ни было иному за заботу, за беспокойство обо мне, за любовь... или нелюбовь.

Еще слишком рано, рынок пока закрыт для покупателей, но нас с Митей пустили — его тут многие знают, уважают, а кто-то из рыбаков даже считает себя его другом, как Марсель, с которым они сейчас оживленно разговаривают и смеются. Митя покупает у него устриц и какую-то рыбу и все оборачивается и смотрит на меня, как будто боится, что я могу исчезнуть, улыбается мне немного печально, ободряюще кивает.

Я отвернулась от его обеспокоенного взгляда и снова принялась смотреть на море. Так гораздо проще, уж оно-то от меня ничего не ждет — плещется себе острыми пиками небольших холодных волн, проживая таинственную и непростую жизнь.

Ветру надоело играть только с морем, на-бережной и людьми, не обращающими на не-

го внимания, и он принялся за нависшие над горизонтом низкие темные тучи. Они нехотя, недовольно закопошились, подчиняясь этому проказнику, стали перемещаться громадными серыми телами, переваливаясь с боку на бок, распадаясь на большие клочья. И вдруг посреди туч образовалась большая прореха, сквозь которую вырвалось на свободу молодое, раннее солнце, и розовато-оранжевые лучи ударили мне в глаза, заливая радостным светом мир вокруг.

Несколько мгновений я не могла дышать, оторопев от прорвавшейся сквозь серость моего бытия яркой, слепящей жизни. Глазам стало больно, по щекам потекли слезы, и я их чувствовала!

Господи, боже — я чувствую!

И тут же, испугавшись, что это мгновение прямо сейчас закончится, я сильно-пресильно зажмурилась, пытаюсь задержать, ухватить, остановить его... И вдруг осознала, что у меня замерзли пальцы рук. Пугливо-медленно я открыла глаза... — солнце, посмеиваясь, так и палило мне в лицо оранжевым лучом! И я улыбнулась! По-настоящему! Честно, искренне! Подняла к глазам кисти рук и благоговейно рассматривала побелевшие от холода пальцы — я чувствовала, что замерзла! Понимаете — чувствовала!

Я развернулась к рынку... И на меня без предупреждения, как неожиданный удар, обрушились с невероятной силой и насыщенностью чувства, ощущения! Пронзительно кричали чайки, встававшие на крыло против ветра и зависавшие в небе, гортанно переговаривались торговцы-рыбаки, между делом посмеиваясь и отпуская сомнительные шуточки, переливался под лучами солнца колотый лед на лотках, поблескивали перламутровые чешуйки на рыбе, остро и пряно пахло морем и благородной рыбной свежестью.

И все это я чувствовала! Так невероятно, неправдоподобно сильно! После без малого пяти месяцев заточения в полном безразличии и бесчувствии, с такой ошеломляющей, на грани переносимости, силой, так мощно, яростно, бескомпромиссно на меня обрушилась жизнь!

И тут я натолкнулась на взгляд Мити! Его лицо, глаза выражали столь же сильные и мощные эмоции: откровенное потрясение, и неверие, и надежду, и огромную радость... Но еще в его взгляде была любовь!

Кажется, у меня текли слезы — не знаю, не важно. Я смотрела на него, улыбалась, и мне казалось, что ничего более потрясающего и прекрасного я никогда не проживала.

А Митя, не глядя, сунул изумленному Марселю пакеты с купленной рыбой и морепродуктами и уже спешил ко мне между рядами, оббегая людей, лотки, грузовые тележки, ящики с рыбой и льдом и ни на мгновение не отпуская моего взгляда.

Я Марта Галант. Никакой иностранщины, абсолютно русская барышня с обеих сторон — маминой и папиной до каких-то там замшелых колен предков.

Имечком наградила меня любящая мамулька, ну а фамилия, как водится, досталась от папеньки. Матушка моя, будучи молодой девицей с перебором романтизма, чувством социалистической справедливости и увлеченности, насмотревшись блокбастера тех времен под названием «Долгая дорога в дюнах», настояла, чтобы доченьку назвали именем главной героини. Основной аргумент:

— Пусть будет как Марта: такая же красивая, умная и заграничная, иностранная!

— Леночка, — осторожно возражал папа, — а ты хорошо помнишь, как эта твоя Марта настрадалась, на кой черт нашей дочке такая судьба? Говорят же бабки: нельзя ребенка ни в чью честь называть.

— Да ерунда это! Сказки! — возмущалась мама и настаивала: — Ты помнишь, какая она

была в конце фильма? Прямо Европа! Дома в выходной, а одета, как на выход, накрашена и на каблуках. Вот пусть и моя доченька станет умницей, красавицей, европейкой и живет в таком большом доме, в котором надо ходить только при параде!

Папа решил не спорить — ну Марта так Марта, что уж теперь! Сыночку старшему тоже повезло с имечком: уперлась мамуля — будет Лев, такой же сильный, красивый, во-жак... Вот и ходим мы с братцем — Лев и Марта Галант! Ну прямо цирковые акробаты или дрессировщики. Кстати, папуля, посмеиваясь, уверял меня с младенчества, что с таким именем-фамилией прямая дорога в артистки, особенно эстрадного жанра, писатели-поэты или, в самом крайнем случае, действительно в цирковые.

С фамилией же связана целая легенда, как утверждают, вполне правдивая, даже где-то в архивах старинных задокументированная.

Жил в деревне Зайцы известный на всю округу и далее, аж до самого Великого Новгорода, плотник Пантелей. Знатный был мастер, великий умелец, такие чудеса творил топором, что люди ахали. И носил он простую фамилию Кузьмин, впрочем, полдеревни были Кузьмины, как водится — родня дальняя да близкая.

А в те времена наладился царь Петр новый город возводить на болотах, у озера, значит, да и самое что чудное — флот строить, и отправил по всем селам и весям людей специальных сгонять на стройки те умельцев мастеровых да и простых мужиков на работы. Пантелея-то в первых рядах забрали, специально за ним в Зайцы посыльный прискакал, наслышанный о мастере известном. Уж как Фрося, жена его, убивалась, когда мужик родной со двора уходил, как на погибель проводжала. Да и то сказать — а куда ж! Мерли да гибли, да хворей смертных набирались на тех болотах мужики что ни день! Страх господень!

Может, и Пантелея судьба страшная не обошла бы, когда б не случай один. Прознал как-то царь-батюшка про мастера-плотника знатного. Уж как прознал, то неведомо — кто-то из соратников доложил, не иначе, да только царь-то прямиком в плотницкие ряды да как гаркнет:

— А ну, где тут мастер этот известный?

И глазом как сверкнет!

Пантелея ратники за шиворот пред светлы очи царя-батюшки и притащили. А Пантелей-то, хоть и страшно ему, был не прост, виду-то не подал, что боязно, не стушевался, покло-

нился до земли царю Петру и чинно так отвечает:

— Я мастер.

— Ну покажи дела свои! — приказал царь-батюшка.

И так царю Петру работа Пантелея понравилась, что он его враз с собой забрал, вольную дал ему и семье его и отправил в страну чужеземную, называемую Голландией, учиться корабельному плотничеству да украшательству зодческому.

Страшно сказать, чего натерпелся Пантелей, по морю на корабле до той Голландии добираясь, чуть все нутро не вывернулось, пластом лежал, еле на землю выбрался. Но ничего, добрался.

Чудные эти иноземцы оказались, но мастеровые, все как один, к тому же хозяева знатные, крепкие, и все у них не как у нас. Язык их Пантелей так и не освоил, только слова какие-никакие, да мастерам говорить и не надо особо, они делами да уменьем разговаривают. Много интересного узнал Пантелей, а когда вернулся, сам царь его прямиком на работу отправил и семью разрешил привезти поближе.

А однажды привел царь с собой господина какого-то иностранного — в парике крученом, в камзоле расшитом с кружевами на рукавах.

Царь-батюшка показывал ему дела свои, доки скорые, корабли строящиеся, так с осмотром они и добрались до Пантелея в его плотницком цеху. Иноземец рассматривал работу мастера и прицокивал да головой покачивал от удивления и восторга, все что-то лепетал не по-нашему, а приглядевшись к умельцу, так и ходившему в голландских одежках после приезда, понимающе заявил:

— А-а, Holland!

Царь-батюшка как рассмеется да как хлопнет иноземца по плечу, что тот только крякнул да присел слегка, покраснев с испугу, а Петр-то наш и говорит:

— У нас умельцы получше иных будут!

И толмач, что рядом с иностранцем-то крутился, ему перевел, что царь говорит, а иноземец аж глаза выпучил от удивления и переспрашивает:

— Not Holland?

— Нет, не Голланд, — довольно сквозь смех уверил царь-батюшка. — Наш, государства Российского талант! У нас своих мастеров уникальных много! Не Голланд!

С тех пор стали Пантелея окликать не по фамилии, а все Голланд и Голланд. Сначала для смеху и вспоминая у костра артельного за похлебкой горячей, как царь-батюшка над иноземцем шутил да как тот глаза выпучивал.

А потом так и прилипло, как исподнее после бани. Кто, спросят, старшой ваш? А ему в ответ: Пантелей Голланд.

Так и повелось, а потом уж и писарь-дурак в реестре записал вместо фамилии Кузьмин — Галант: и Пантелея самого, и жену его Ефросинью, и семерых их деток. Навсегда и остались Галант, и никуда не денешься, в государевых бумагах прописаны.

Несколько поколений продолжали мастеровую плотницкую династию Пантелея, а потом заделались купцами, перебрались в Москву: и в Европах торговали, и в Отечественную войну двенадцатого года все мужчины Галант воевали, и войска снабжали мануфактурой и едой, и столицу после пожара восстанавливали. В революцию семнадцатого никто из семьи не эмигрировал, все в России остались по идейным убеждениям... в ней и полегли. Семья была большая, в каждом поколении не меньше пяти детей рождалось — всех извели, кого в Гражданскую расстреляли, кого в тридцатые.

Чудом уцелел только дед Семен Петрович Галант. Его как ребенка из семьи врагов народа отправили в специальный детский интернат, а затем в ремесленное училище, где Семена и застала война. Ему шестнадцать было, но большой, кряжистый в породу свою, он

выглядел старше, вот и приписал себе в документах два года и ушел на фронт добровольцем. И прошел всю войну, до Берлина дошел. Раненый-перераненный, контуженый, но живой! А это главное!

Умер, к сожалению, мой прекрасный дедушка Семен семь лет назад, на восьмидесятом году жизни. Умер, как и мечтал, не лежал, не болел, обузой никому не был: бодрый, энергичный, невероятно юморной, саркастичный, мудрый — заснул и не проснулся. Вечная ему память!

Не знаю как кому, а мне имя и фамилия мои очень нравятся. Братцу моему так вообще с этим повезло: для журналиста броское имя — не последнее дело, и согласитесь, что Лев Галант звучит несколько экзотично: пойдди разберись, что за Лев такой, а заинтересовавшись именем, глядишь, и статейку его прочитаешь. А не прочитаешь, так имя-фамилию точно запомнишь. Чем не начало славы?

Впрочем, я совсем о другом.

То, что произошло со мной, началось с моей замечательной квартирki. Хотя нет, гораздо раньше, с событий, которые и привели к тому, что я заимела собственную отдельную квартиру. Все глобальные перемены начались

восемь лет назад с несчастья в нашей тогда еще небольшой семье.

Восемь лет назад мой папа Павел Семенович влюбился и ушел от нас к другой женщине. Мне было двадцать два года, моему брату Левке двадцать шесть, мы считались уже условно взрослыми, выращенными, воспитанными и вполне самостоятельными детьми, поэтому никак не могли повлиять на решение отца.

Отец у меня классный! И мама замечательная!

Но в жизни бывают всякие дела — и праведные и не очень, и справедливые и ровно наоборот. В тот момент это казалось нам с братом предательством, и мы с Левкой страшно переживали за маму и обвиняли отца, как и положено в нормальных семьях.

И произошло это событие для нас с Левкой неожиданно, как гром среди того самого ясного неба. Молодые и эгоистичные, мы с братцем, прямо скажем, были не очень внимательны к родителям и напряжения между ними или непоняток каких не замечали и знать не знали, что и как у них там происходило. А они втихаря от нас обсуждали проблему, принимали какие-то решения и отдалялись друг от друга. И ладно Левка — мужик и живет отдельно от нас, самостоятельной

жизнью. Но как я могла проморгать назревающую беду? Чем таким важным занята была, что не видела, как осунулась и сникла мама, как посуровел отец и как делись куда-то смех, шутки и радость, всегда жившие с нами, а поселилось рядом холодное отчуждение между родителями. Не видела и не замечала, словно жила в другом измерении, и ругай не ругай себя, а однажды вечером...

Отец пропустил вперед Левку и зашел в квартиру следом за ним.

— Батя сказал, есть серьезный разговор, — объяснил Лев, целуя вышедшую им навстречу маму. — И подхватил меня у метро. Привет, сестрень! — Он сграбастал меня в объятия и чмокнул в нос.

— Привет, братень, — уцепила я его за оба уха и ответно чмокнула. — Всех противных гадов разоблачил?

— Еще не всех... — Левка поставил меня на пол. — Но динамика обнадеживающая.

— Читала я твою динамику, — похлопала я его снисходительно по плечу. — Слог хороший, шуму много, а результат где?

Лева у нас журналист с большими амбициями, планами и задумками, он мечтает стать известным телевизионным репортером, писать на злободневные темы: военные конфликты и всякое такое, что поопаснее и

заковыристее. Ну вот такая у парня мечта-идея. Работает в крупной серьезной газете, а еще ведет свою интернет-газету и мотается по всей стране и за рубеж, правда, пока без стрельбы и горячих точек.

— Все, дети, потом поговорите, — остановила нас мама. — Руки моем и за стол, а то ужин остывает.

Вот там, за остывающим ужином, папа официально все и сообщил.

— Дети, — он замялся, кашлянул, но справился с собой, даже плечи распрямил, — Марта, Лева. Я встретил женщину, полюбил, и мы собираемся жить вместе. Вот так...

— Я что-то не понял, батя... — начал было совершенно ошарашенный Левка.

— А что тут понимать! Ваш отец полюбил другую женщину и собирается на ней жениться! — Мама резко поднялась, отошла к окну и прикрыла глаза рукой беззащитно-усталым жестом. — Что тут непонятного? Вы уже взрослые, Марта институт нынче окончила, на работу устроилась, ты, Лева, вообще мужик самостоятельный. Отец вас вырастил, на ноги поставил, теперь можно и о себе подумать.

— Как о себе? — тупил братец. — А о тебе кто будет думать?

— Я сама о себе подумаю, — твердо заявила мама, поворачиваясь к нам, решительная, словно и не было минуту назад жеста, так явно выдающего усталость.

— В жизни всякое бывает, — тихо оправдывался отец. — Так получилось.

— Что значит «так получилось»? — проснулся-встрепенулся в братце журналюга. — Тебя окрутила какая-то молодая девка, а мать, значит, можно обижать? Нас бросать, семью разрушать? Вот так просто?! Ты что, бать, не понимаешь, что ты лакомый кусок? Здоровый мужик, спортивный, подтянутый, молодой еще, тебе и полтинника нет, бизнес свой, пусть не олигарх, но обеспеченный!

— Лева, прекрати! — хлопнул ладонью по столу, обрывая пламенную речь брата, отец. — Ты ничего не знаешь ни об этой женщине, ни о наших отношениях и не смеешь о них судить! Тем более говорить о ней в таком тоне!

— А в каком тоне я должен говорить о женщине, которая разбивает нашу семью?! — навис над отцом Левка.

— Она здесь ни при чем! — тоже поднялся отец, оказавшись лицом к лицу с сыном. — Это только мое решение, Майя была против! Она настаивала, чтобы мы расстались и оста-

вили все как есть! А я понимаю, что, как прежде, уже не будет!

— Ты предаешь мать, ты предаешь нас с Мартой! — проорал Левка. — Я даже представить не мог, что ты такая же дешевка, как все те возрастные мужики, которые сейчас пачками женятся на молодых сучках, только чтобы доказать свою мужскую состоятельность!

— Лева, прекрати!! — бросилась к сыну мама.

А отец вlepил ему пощечину. Сильно так вlepил. Весомо.

Левка потер щеку, побуравил взглядом отца, раздувая ноздри и поигрывая желваками, развернулся и вышел из кухни, и через пару мгновений хлопнула входная дверь, да так, что зазвенели хрустальные висюльки на люстре, и все вздрогнули.

Мы так и стояли втроем — папа, мама и я — в наступившей тишине, и я испытывала сильное душевное неудобство за себя, за Левку, дурака такого, за папу, испортившего нашу хорошую жизнь, за маму, которая почему-то не смогла удержать его в этой хорошей жизни.

— Сколько ей лет? — Я не успела осознать, зачем и о чем спрашиваю.

— Сорок два, — отстраненно ответил папа.

— На молодую девицу, по-моему, не катит, — отметила я очевидный факт и вышла из кухни.

Папа, собрав небольшую сумку на первое время, ушел тем же вечером из дома. Он пытался со мной поговорить, объяснить что-то, попрощаться, но я заперлась в своей комнате и разговаривать с ним отказалась. И мама ушла к себе, сославшись на головную боль.

В доме поселились тоска и несчастье.

Мама бродила вечерами по квартире или сидела часами на кухне над пустой чайной чашкой — потерянная, рассеянная, все думала о чем-то, не жаловалась, отказывалась обсуждать ситуацию или поступок отца.

Я на отца ужасно обижалась, плакала, жалела маму и себя и никак не могла поверить, что можно в один момент вот так все сломать.

Господи, мне было двадцать два, что я могла понимать о жизни: максималистка на всю голову — это черное, это белое, это правильно, это неправильно, и никаких иных вариантов! Девочка из благополучной семьи, которая ничего тяжелее пакета с продуктами не носила, и то от машины до квартиры, и у которой самым большим разочарованием в жизни был эпизод, когда школьная подруга наговорила всяких гадостей и небылиц мальчику, который нам обоим нравился. Честно

сказать, подруга-то была и не подруга вовсе, и мальчик не так чтобы любовь до гроба, зато вот такой жизненный опыт.

Экзаменов и преподавателей я никогда не боялась, училась легко и с удовольствием, особо не перетруждаясь, все предметы давались мне легко и в школе, и в институте.

Разумеется, я не была настолько уж оторвана от действительности, подростковый период моей жизни пришелся на девяностые, и оставаться абсолютно не в теме того, что творится вокруг, не получилось бы ни у кого. Но родители и Левка меня оберегали, и я совсем была не в курсе, как отцу и дядь Мише, его другу и партнеру, доставался их бизнес. Это потом, намного позже, отец как-то поделился несколькими воспоминаниями о тех годах, так у меня волосы зашевелились от страха, когда я представила, что им пришлось пройти. А тогда у меня была своя девичья жизнь, и что там происходит у папы, я не задумывалась.

Даже когда однажды чем-то сильно озабоченная мама забрала меня прямо с урока физики, и мы уехали на чью-то дачу, где нас уже ждали папа с Левкой и бабушка с дедушкой Галант, с которыми в то время мы жили в их квартире. Мама объяснила, что у нас дома обнаружили какое-то отравляющее вещество,

что-то непонятное, и пока будут дезинфицировать квартиру, мы проживем здесь. Прожили мы на даче десять не самых веселых дней. Во-первых, дом оказался летним, и в нем было постоянно холодно, приходилось обходиться без воды, потому что зима, трубы замерзли; во-вторых, почему-то нельзя было ни с кем связываться и никуда ездить, электричество периодически отключалось — телик не посмотришь, компа, разумеется, нет. Зато в доме обнаружилось очень много старых книг, целые шкафы на втором этаже, вот в них мне копаться оказалось интересно: и что-то читать, просматривать.

И только много лет спустя я узнала, что мы прятались от бандитов, которые шантажировали отца с дядь Мишей, и все было ужасно страшно, и их с папой могли убить. Или нас, их родных, могли убить. Но ситуация как-то разрешилась.

С папой все-таки мы встретилась и поговорили. Не могла я избегать его, да и разобраться мне хотелось и, может, обвинения высказать, а то они душили меня своей произнесенностью. А он даже не пытался оправдываться, объяснял, что полюбил настоящему и ничего не может с этим поделаться, печалился, что так все получилось.

— Знаешь, дочь, — сказал он, грустно улыбнувшись, — я уверен, что если бы Лена и Майя познакомились без меня и при других обстоятельствах, они бы обязательно стали очень близкими подругами. По характеру они идеально подходят друг другу.

Мой папа знает, что говорит. Он не психолог, нет, он очень мудрый человек. И еще таких называют интуитами — он чувствует людей до всех их потаенных фобий, комплексов и страхов, чувствует, чего стоит человек и на что он способен. Папа работает коммерческим директором не такой уж маленькой фирмы, которую они создали с дядь Мишей, и именно эта папина способность видеть людей насквозь не один раз спасала им в самом прямом смысле жизнь. А вот от ухода из семьи не уберегла!

— А тебе она чем так идеально подошла? — не удержалась я от сарказма.

— Я надеюсь, вы с ней познакомитесь, — папа улыбнулся и погладил меня по голове, — и ты поймешь, что Майю невозможно не любить. Она как солнышко: светлый, жизнерадостный человек, великий оптимист.

— Прости, но пока я не могу думать о ней хорошо или даже нейтрально. Она виновата в том, что плохо всем нам: маме, Левке, мне,

бабушкам обеим, даже тебе плохо, потому что ты мучаешься, и это видно.

Мне сложно было разговаривать с ним спокойно и ровно, но я хотя бы попыталась понять, услышать. А вот с братцем все обстояло сложнее. Левка уперся в жестком порицании отца, встал в позу, отказывался встречаться, разговаривать, сбрасывал звонки, когда папа пытался до него дозвониться, словом, выступление по большой обвинительной прокурорской программе.

Зато к нам с мамой брат зачастил в гости: чуть ли не каждый вечер приезжал, привозил всяческие вкусности, поднимал бодрый шум, заставлял нас накрывать на стол в большой комнате, балагурил не в меру, а в выходные повадился вывозить маму за город, на природу. В общем, всячески демонстрировал свое неожиданное мужское главенство в семье, защиту и опору своим женщинам и полную сыновью поддержку маме.

И так на протяжении трех месяцев. Все мои попытки остановить этот бодрый балаган и уговорить Левку прекратить лишний раз напоминать маме, что она осталась без мужа, не то что проваливались, а каждый раз заканчивались небольшим скандалцем.

Остановила Левкины демарши против отца мама. Очень жестко.

Как-то вечером, как стало уже привычно последнее время, мы втроем сидели за столом, пили чай, обсуждали что-то несущественное, как вдруг мама напомнила нам:

— Послезавтра у отца день рождения. Не забудьте его поздравить.

— Я не буду его поздравлять! — с нажимом заявил Левка. — Он нас предал и ужасно обидел тебя. Он ушел и отказался от нас! У нас его больше нет!

— Он ни от кого не отказывался, — усталым, тусклым голосом возразила мама. — Тем более от вас с Мартой.

— Мам, — старался сдерживаться Левка. — Я всегда уважал отца и знал, что батя у меня мужик, настоящий человек, личность, и то, как он относился к тебе, своей жене, и к нам с Мартышкой, было для меня примером и предметом гордости. Я и представить не мог, что он так легко и просто все это разрушит только потому, что бес в ребро и что ему страстей захотелось на старости лет...

— Хватит! — Мама так сильно хлопнула ладонью по столешнице, что звякнули чашки и несколько сушек вылетели из вазочки, в которой они были насыпаны горкой, и покатались по столу. — Ты мальчишка! Сопляк! Как ты смеешь судить отца?! Кто дал тебе право

сидеть тут и рассуждать о предательстве?!
Что ты об этом можешь знать?!

Левка покраснел, хотел что-то возразить, но мама сделала жест рукой, останавливающий порыв сына.

— Твои отношения с женщинами ограничиваются легкими, ничего не значащими встречами исключительно для секса! Что ты можешь знать о настоящей любви?! Твой отец не принес в дом грязь любовной интрижки, не обманывал жену и детей и не бегал тайком на сторону! У них с Майей не было любовной связи, они были вместе всего один раз, и отец сразу пришел и честно мне все рассказал и объяснил, что это настоящее чувство. Честно рассказал, понимаешь? — Мама села на свой стул, положила на стол руки и теперь уже ровным, спокойным тоном, глядя на Левку, продолжила словесную порку сына, а может, и обоих своих неразумных детей: — Я очень тебя люблю, сын, но сейчас готова ударить за глупость и оскорбление отца и меня вместе с ним.

— Я тебя не оскорблял! — Левка обалдел.

— Оскорблял! Никто в этой жизни не застрахован от любви и страсти. И если с любовью еще можно справиться, отказавшись от совместной жизни с любимым человеком в силу каких-то непреодолимых обстоятельств

и сохранив это чувство в душе, то преодолеть страсть практически невозможно. И ты, мальчишка, ни разу не страдавший из-за любви, с ума не сходявший по женщине, не ревновавший, не терявший покой и сон от этого чувства, берешься судить об этом! А если бы не отец, а я влюбилась? Если бы я встретила мужчину и полюбила его так, что не мыслила бы без него жизни?

Мы с Левкой переглянулись, совершенно оторопев. Даже предположить такое не то что было невозможно, а невозможно в мировом масштабе.

— Что вы так смотрите? — усмехнулась невесело мама. — Я, так же как и отец, вырастила и поставила вас на ноги, вы теперь оба самостоятельные, в родительской опеке и присмотре не нуждаетесь. А я еще молодая женщина, вполне привлекательная, у меня хорошая работа, я уважаема коллективом и начальством, неплохо зарабатываю, по крайней мере, себя могу содержать и баловать. И я еще очень даже вызываю интерес у мужчин. С вашим отцом у нас были прекрасные отношения, но наша любовь с годами переросла в иную форму. Мы очень близкие и родные друг другу люди, больше чем друзья и любовники, гораздо больше, но для жизни этого мало, я это только после ухода Паши поняла и осмыс-

лила. Все ходила, думала, вспоминала, размышляла и поняла, почему он полюбил другую женщину. И я, так же как он, могла встретить кого-то, полюбить и уйти к нему жить. И что, Левушка, ты сидел бы на том же месте, где и сейчас, и так же поливал бы грязью меня, как отца, и обвинял бы в предательстве? И говорил бы, что у тебя нет больше матери?

— Ма-а... — совершенно растерялся Левка.

— Что ма? Так и есть, сын. И еще скажу тебе, сынок, я не вверяла тебе полномочия моего адвоката, меня не надо защищать от отца. Да, это больно, когда от тебя уходят, и ты чувствуешь себя ненужной, брошенной, униженной как женщина, но ваш отец сделал все, чтобы не оскорбить и не обидеть меня. И я ему за это очень благодарна. Мы перезваниваемся и встречались несколько раз, беседовали, он решил оставить нам большую часть имущества, все так же финансирует нас с Мартой и собирается делать это и впредь.

— Прости, мам, — Левка покраснел.

— У отца прощения проси, — отмахнулась мама. — Он страшно переживает твою упертую обиду и нежелание общаться.

Я молчала все время, пока шла эта моральной порка, словно предназначенная не братцу, а мне, и чувствовала себя, прямо скажем, фиговато. Да потому что мама во всем права!

О чем мы там с Левкой беремся судить?! Ни я, ни он никого еще не любили и с ума от любви не сходили, а туда же — папа не прав, папа бяка!

Левка созвонился с отцом в тот же вечер и сразу уехал встретиться с ним. А мы с мамой обнялись, как две подружки, допили привезенную Левкой бутылочку итальянского сухого вина, всплакнули, пошушукались, и я, чуть опьянев, передала мама те отцовские слова:

— Ма, ты знаешь, папа говорит, что если бы вы с этой Майей встретились при других обстоятельствах, то обязательно стали бы закадычными подружками.

— Все может быть, — пожалала плечами мама. — Жизнь полна подобных импровизаций и такие порой кренделя выписывает, что никакому фантасту не снилось.

И что бы вы думали? Эти две жены — бывшая и ныне действующая — таки встретились при других обстоятельствах. Но чуть позже. Этому событию предшествовала гораздо более эпохальная встреча. Чудны дела твои, Господи! Воистину! Не поверите, но начались в нашей жизни такие импровизации, упомянутые мамой, и кренделя вместе с ними, обалдеть!

Дня через два после маминого морального отлупа своим глупым взрослым детям, соби-

раясь утром на работу, я обнаружила в коридоре две большие сумки.

— Мам! — Я прошла в кухню, где она готовила завтрак. — Что за сумки в коридоре?

— Это я отцовские теплые вещи собрала, а то зима уж совсем, а он в чем ушел, в том и ходит. Мы созвонились, он после работы заедет и заберет. Ты приходи пораньше, поужинаем втроем.

— Я постараюсь, — не стала обещать я.

Пораньше прийти мне удалось. Я вошла в квартиру и замерла на пороге — первый раз с того момента, как отец ушел из дома, я услышала звонкий смех мамы. Я подумала: а не уйти ли потихому, чтобы не спугнуть ее радость? Так в сомнении — ни туда, ни назад — и толклась у двери, пока мама сама не вышла из кухни.

— О, Марточка! А я думаю, слышалось мне, что ли, что дверь хлопнула. — Она подошла ко мне, поцеловала, обняла.

Я смотрела на нее неверящим взглядом — такая она стала красивая, задорная, глаза горят! И я вдруг четко осознала, что она совсем еще молодая женщина, ей всего сорок шесть лет, на которые мамулька совершенно не выглядит, что она современная элегантная женщина! Неужели у них с папой?..

— Давай мой быстро руки и за стол, — светила улыбка мама.

Пока я мыла руки, сердце у меня стучало как подорванное в предчувствии чего-то сказочного, необычного: вот я войду сейчас в кухню, и мои родители, оба молодые, счастливые, объявят, что они снова вместе, а эти три месяца были просто глупостью, проверкой...

В кухне на отцовском месте сидел совершенно незнакомый мужик, который встал при моем появлении.

— Марта, знакомься, это Игорь Васильевич, — бодро и весело представила нас мама. — У отца затянулось серьезное заседание, и Игорь Васильевич вызвался забрать его вещи.

— И попал на изумительный ужин, — продолжил мужик, то ли изображая легкое смущение, то ли смущаясь искренне, что угодил не на свой праздник.

Что это за Игорь Васильевич такой, хотелось бы знать, а? Вообще дядька ничего себе — лет за сорок, крупный, пожалуй, только немного уступает Левке, а тот у нас в прадеда, медведь здоровый, да и папа мужчина далеко не маленький. Глаза у мужика вроде добрые, красавцем не назовешь, но интересный, харизматичный, можно сказать. Ну-ну, посмотрим!

А ничего, вы знаете! Этот Игорь Васильевич оказался классным собеседником, веселил нас с мамой за ужином замечательными историями, рассказывая их с таким юмором, так остро, ярко, красочно, с мимикой и жестами, что мы ухохатывались до слез, забыв о времени. А когда совместный ужин был логически завершен, и мама вдруг вызвалась помочь в переносе сумок в качестве открывающего дверцы машины, я, заподозрив, что ей просто хочется поговорить с женщиной наедине, порадовалась за нее, но и напряглась немного и как строгая, правильная дочь ждала ее возвращения.

Ждать пришлось не пять минут, подзадержалась маменька минут эдак на двадцать и была встречена мной с неким наездом:

— Мам, а он вообще откуда?

— Это допрос, что ли?

— Ну ты хотя бы знаешь, кто он такой? — убавила я праведности в тоне.

— Рекомендации отца тебе достаточно? — строго спросила она, так и не дав прямого ответа.

— Вполне, — отступила я, зная, что от нее в таком настроении ничего не добьешься.

А вот и нечего было наезжать! Она вон расцвела, так ей мужчина понравился, помолодела, похорошела, да и он, я же сама ви-

дела, очень ею заинтересовался, а доченька, видишь ли, взялась нравственность материнскую блюсти! И чего меня понесло? Все еще не привыкла за три месяца к новой жизненной реальности, а пора бы. Но ничего, дальнейшие события меня так к этой новой реальности адаптировали, только держись!

Через неделю я должна была ехать по работе на учебный семинар в пансионат в Подмосковье, с пятницы по понедельник. Ну что такое корпоративные семинары, думаю, многие знают: какой бы важной и трудной ни была тема обучения, рано или поздно народ разбивается на группки по интересам и начинает проводить выходные, гробя собственную печень, а заодно с ней и репутацию. Не люблю я все это, вот не люблю, и все!

Нет, может, я бы и ничего, и с большим удовольствием, если бы компания подобралась классная. Но тогдашняя работа не устраивала меня все больше и больше, не нравился коллектив и начальство и вообще все! Хотя, как говорит моя бабушка: «В жизни всякое надо пройти, чтобы было с чем сравнивать!» Последние месяца полтора я все чаще подумывала, что этой работы мне для дальнейшего житейского сравнения уже вполне достаточно и пора бы искать для себя что-то более подходящее и интересное. Поэтому когда в субботу

вечером приглашения мужчин, уже хорошо подогретых коньячком, присоединиться к их веселой компании стали звучать все более навязчиво и откровенно, я забила на завтрашние занятия, решив, что вполне благополучно прочитаю все в Интернете, и, собрав вещички, пошла на электричку.

Да к черту! Можно подумать, им в Москве пить не дают, обязательно надо куда-то выехать, чтобы нажраться до скотского состояния, болеть несколько дней, еще неделю собирать сведения о том, что ты вытворял в пьяном виде, и, ужасаясь, смотреть на телефонах видео с собой в главной роли. Или я просто сама еще в такое не вляпывалась, поэтому и отворачиваюсь брезгливо правильной барышней?

Это я тогда по молодости, глупости и незнанию так выступала праведницей фиговой. Но знаете, бывает так: попадаешь в какую-нибудь компанию, не важно в какую — в школе, в институте, на работе, а люди там не твои, и все! Вот совершенно ты с ними не монтируешься, не вписываешься, хоть тресни! Слово вы на разных языках говорите и отторгаете друг друга, как чуждые элементы. Вот примерно такие отношения были у меня тогда с коллегами. Но не суть, я вообще не об этом.

А о том, что предпочла возвращение домой тесному корпоративному общению и учебе. Возвращалась я внезапно, заметьте, это самое важное в данной ситуации. А зачем мне кого-то предупреждать? Что такого суперважного? Ну вернулась и вернулась, я ж не на Аляску в экспедицию ездила, чтобы заранее радовать родных и близких скорой встречей. Правда?

Правда-то оно, конечно, правда, но есть нюансы, как в том анекдоте.

Про то, что теперь моя любимая мамочка стала женщиной свободной, читай: невестой, и имеет право на личную жизнь, не сильно внимательная и эгоистичная дочь предпочла не думать. Вот и ввалилась на ночь глядя, с порога проорав на всю квартиру:

— Мамуль, я вернулась!

А в ответ странная тишина. Странная, потому что мамулька моя так рано никогда спать не ложится, да и свет горит в кухне и в коридоре.

— Мам? — Я повесила пальто на вешалку, сняла сапоги и пошла на поиски ответов, которые привели меня первым делом в кухню, где я чуть прибалдела: ничего себе!

В кухне был накрыт явно торжественный, а может, даже романтический ужин на двоих, который успели отведать и оценить, но две

свечи в высоких подсвечниках все еще догорали, позабытые.

— Марта, ты почему вернулась? — спросила мама у меня за спиной.

Я обернулась, посмотрела, как она подходит к столу, и все мои подозрения тут же перекалифицировались в уверенность: мама на ходу завязывала шелковый халатик и была в несколько растрепанном состоянии, раскрасневшаяся и смущенная.

— Мам, у тебя что, свидание? — решила пошутить я.

— Да, свидание.

— О-о! — стушевдалась я, наконец осознав, что помешала ей самым противным в таких ситуациях образом, и поспешила все исправить: — Мамуль, ты извини, я сейчас к Левке поеду.

— Не надо вам, Марта, никуда ехать, — вошел в кухню Игорь Васильевич, полностью одетый и, как мне показалось, даже причесанный, и встал рядом с мамой. — Вы же у себя дома, после учебы. К тому же, раз вы вернулись, у вас там, наверное, что-то неприятное случилось. Вот и отдохайте, а я поеду домой.

— Нет, нет, — заспешила я и начала пятиться к выходу. — Вы оставайтесь, вам пообщаться надо, а я к брату. Ты знаешь, мам, Митя приехал. А я его так давно не видела,

интересно же, как он там живет, мы с Левкой договаривались завтра встретиться втроем, так встретимся сегодня...

— Марта, остановись! — прервала мое лепетание мама.

Я заткнулась, и в кухне повисла такая гнетущая тишина, что стало слышно, как потрескивают, сгорая, фитильки свечей. Мне было ужасно неудобно! Хоть провались на этом месте! Да нам всем было неловко, пока Игорь Васильевич не разрядил обстановку:

— Ну, в конце концов, тут есть чему и порадоваться.

— Чему? — осторожненько спросила я.

— Во-первых, нам с вашей мамой больше не надо скрывать наши отношения. А во-вторых, все скорее комично, чем трагично, вы все-таки не жена, внезапно вернувшаяся из командировки и застукавшая мужа за адюльтером.

— А вас так застукивали? — нагло спросила я.

— Не приходилось, — усмехнулся он. — А вам, Марта, родственники свиданий не портили?

— Пока нет.

— Значит, такие незабываемые впечатления у вас еще впереди.